Ирина ИЖБОЛДИНА

БЕССАРАБСКИЙ МЕЧТАТЕЛЬ ЛЕОН ДОНИЧ-ДОБРОНРАВОВ: МЕЖДУ СТЕНОЙ И БЕЗДНОЙ

Высокий, как гора, высеченная из камня, Леон Донич до поздней весны был одет в черный с пелериной плащ, обитый белым шелком. Строгий монашеский костюм, пенсне. Очень выразительные, запоминающиеся глаза. Круглая шляпка на затылке, из-под которой выбиваются светлые пряди. С горькой доброй улыбкой на лице, поясняя свой странный наряд, говорил, красиво и откровенно, чуть с хрипотцой: «Я - как Леонид Андреев!». (Из описания современников)

26 мая 1926 г. в Париже, в больнице Сен-Луи умер писатель Леон Донич, прожив неполные 39 лет. Его останки были перевезены в Кишинев и захоронены на Центральном кладбище 7 июля. Проводы были величественными и представительными благодаря усилиям Октавиана Гоги (1881-1938) - на тот момент министра внутренних дел, поэта, остро переживавшего смерть коллеги. Королевская Румыния прощалась со своим великим писателем. В публичной церемонии также принимали участие писатель Михаил Садовяну (1880-1961), Елена Алистар, Никифор Крайник и многие другие - элита румынской интеллигенции. Академик Николае Йорга (1870-1940) посвятил ему статью.

В Советской России, как и в эмигрантских кругах, смерть русского писателя Леонида Добронравова, мягко говоря, особого участия не вызвала. Спустя несколько месяцев Максим Горький в ответ на вопрос С.Н. Сергеева-Ценского (1875-1958), интересующегося судьбой писателя, отвечает, что «автор «Новой бурсы» Леонид Добронравов,

человек бесталанный и неумный, умер осенью в Париже»[1]. Это было отречение и приговор, ведь еще примерно лет десять назад Горький констатировал: «Л. Добронравов - писатель, подающий большие надежды, многообещающий».

Леонид Добронравов родился в Кишиневе 5 июня 1887 г. Когда ему было 10 лет, его отец умер, мать вновь вышла замуж за высокопоставленного чиновника кишиневской консистории и семья переехала в Петербург. Там Леонид завершил учебу в духовной семинарии, начатую еще в Кишиневе, а в 1913 г. закончил юридический факультет университета.

Леонид Добронравов дебютировал в 1909 г. в журнале «Светоч» повестью «В поисках вечной истины». Его сразу же заметил и оценил А. Ремизов, издатели проявили к нему интерес. Далее последовала ироничная новелла «Mon Plaisire» (1910), вышедшая в «Историческом курьере» (которую сразу перепечатал берлинский журнал), задевающая церковников за живое. Внук протоирея, сын ктитора, ученик двух семинарий (Кишиневской, затем Петербургской) хорошо знал эту среду, ее нравы и характеры и сумел блестяще обернуть эти знания в литературную оболочку.

Затем выходит роман «Новая бурса»[2], опубликованный в 1913 г. в журнале «Заветы» (название, созвучное роману Н.Г. Помяловского «Очерки бурсы» (1862-1863), в следующем году он вышел отдельным изданием. «Новая бурса» сделала Добронравова известным писателем. Роман русского писателя бессарабского происхождения стал бестселлером, последовали переводы на французский, немецкий и английский языки, до 1918 г. он переиздавался 7 раз! Это была блистательная сатира, освещающая жизнь будущих священников удивительно точно и проникновенно. Выход романа «Новая бурса» открыл перед автором дорогу в мир прогрессивной русской культуры.

Через год выходит повесть «Больные», которая подтверждает появленение в русской литературе большого таланта. Столичные журналы наперебой предлагают сотрудничество молодому автору, он входит в редколлегии вместе с уже знаменитыми писателями И. Буниным, А. Ремизовым, Л. Андреевым, Д. Мережковским, З. Гиппиус, Ф. Сологубом и др.

Добронравов работает много и плодотворно. В 1915 г. в журнале «Нива» издает автобиографическую новеллу «Детство», затем «Горький цвет», активно печатается также в прессе эссеров и кадетов. В этот период он тесно сдружился с Е. Замятиным (1884-1937), не только взгляды, но и судьбы их были удивительно похожи. В это же время у писателя и публициста Леонида Добронравова начинаются проблемы с властями. В 1914 г. запрещают роман «Малые воды», тираж

конфискуют[2]. Та же участь постигла сборник «Горький цвет» (1915) и роман «Князь мира» (1916), в котором блистательно вырисован Победоносцев - обер-прокурор Священного Синода.

Летом 1917 г. окончательно разошлись пути Л. Добронравова и Г.В. Плеханова (1856-1918), который еще недавно заявлял: «Из всех новых писателей читаю только Добронравова. Он продолжает лучшие традиции русской литературы». Георгий Валентинович категорически потребовал от писателя прекратить сатирические публикации в своем журнале, но Добронравов предпочел выйти из партии. Последний номер журнала - антибольшевистского издания, посвященный поражениям на фронте, был конфискован, а типография сожжена. Политические сатиры «Сажа», «Без лишних слов» (1917), из которой позже вырастет его «Русская революция», были запрещены. «Вечерняя почта» запрещалась 9 раз. Роман «Азбука» остался незаконченным, журналы, которые он основал, закрыты. Октябрь 1917 г. круто изменил жизненный и творческий путь Леонида Добронравова: пришедшие к власти большевики очень скоро убедили его в ненадобности для новых хозяев России талантливых, но непокорных людей.

Летом 1917 г. Добронравов был поставлен перед выбором: остаться в Петрограде и быть расстреляным или бежать. Во время красного террора, когда составлялись списки лиц, подлежащих расстрелу в случае покушений на жизнь членов народного правительства, оставаться в Петрограде для Добронравова было невозможным. Пришлось вернуться в родную Бессарабию. Этот длинный и долгий путь осложнялся еще тем, что Леонид Добронравов покидал Россию нелегально и не один, а с матерью, младшим братом и тремя сестрами. И только через год с лишним семья Доничей-Добронравовых-Ростовских оказалась в днестровских краях. Он попал на родину осенью 1918 г., Кишинев тогда уже находился в составе королевской Румынии[3]. В. Розанов писал об этом времени: «Русь слиняла в два дня, самое большее - в три. Даже «Новое время» нельзя было закрыть так скоро, как закрылась Русь. Поразительно, что она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частностей»[5] .

В Кишиневе писателю все пришлось начинать с нуля, т.к. в Бессарабии он был практически неизвестен. Его мать Домника принадлежала к знаменитому бессарабскому роду **Доничей**, из которого вышли молдавский законодатель и любитель астрономии Андронакий Донич, писатель, переводчик и баснописец, выпускник Петербургской военной школы Александр Донич (1800-1866), астроном Николай Николаевич Донич (1874-1956), антрополог, профессор Базельского университета, современник Добронравова Андрей Николаевич Донич, генерал царской армии, участник русско-японской войны Матей Донич.

Леонид Добронравов, недавняя знаменитость в петербургских кругах, работает до изнеможения над освоением румынского литературного языка с целью реабилитировать себя как писателя (язык предков он знал плохо и в 30-летнем возрасте начал осваивать его фактически заново), берет псевдонимом фамилию прадеда - Леон Донич - и начинает сотрудничество с румынскими изданиями.

Он приносит в редакции свои произведения, которые с готовностью редактируются его новыми друзьями, с восторгом принимающими этот незаурядный талант. Его фельетоны сатиричны, злободневны и пользуются большим успехом. Создавая свои маленькие шедевры, Леон Донич проявлял большую наблюдательность и проникновенность, регистрируя и сатиризируя все вокруг себя. Иногда это зарисовки, написанные наспех, но все же искрящиеся особым юмором. Кроме газетно-журнальных публикаций он публикует отдельные сборники: «Marele Arhimedes» («Великий Архимед»), «Recviem» («Реквием»), «Antihrist» («Антихрист»), «În drum spre Emaus» («По дороге в Эмаус»). Леон Донич состоял редактором газеты «Бессарабия», сотрудничал в газетах «Наша страна», «Флакэра», «Мысль», «Вяца ромыняскэ», «Правда», «Гиена», «Лимба ромынэ», «Кувынтул», «Универсул», «Сочиетатя де мыне» (Клуж) и др. Критики отмечают элегантность и тонкую ироничность стиля, замечая, что даже в пессимистическом настроении Донич остается художником, идеализирующим чистоту человеческой души. Он был глубоким психологом, который выслеживал самые чистые качества души[6]. С той же страстью, но безрезультатно, он пытался открыть в жизни идеальную женщину. Все это он нашел только в литературном творчестве, и потому литература была для него единственным смыслом существования[7].

Леон Донич-Добронравов, по свидетельствам современников, был натурой возвышенной и противоречивой, с частой сменой настроения. Был он крайне беден и за свой талант получал очень мало, был сентиментален и добродушен, впадая в тоску, пел грустные церковные песни[8]. Он предпринимает отчаянные попытки реконструировать и в Кишиневе художественную атмосферу богемного Петербурга, где еще недавно так блистал, активно включается в театральную жизнь бессарабской столицы, написав для местного театра пьесы «Товарищ Поляев», «Маркиза», «Последнее заседание». В Пушкинской аудитории - театре, который сгорел в 20-е гг. (сейчас на его месте стоит одно из зданий университета), была сыграна «Маркиза», где одну из ролей исполнял сам автор. Но краткие моменты смены амплуа не могли оторвать его от литературы[9]. Свою тоску он выражал в творчестве, в мемуарах, которые стали для него единственным спасением.

Кишинев был слишком тесен для него, слишком мало изданий, в которых он мог бы публиковаться, при его громадной работоспособности ему не хватало работы. Слишком мало читателей и мало героев. Так и не сумев привыкнуть к спокойной жизни Кишинева, он покидает родной город, связав свои надежды с Бухарестом - столицей, в которой десятки издательств, а также множество писателей, которые могли бы принять его как братья. Он думал, что в Бухаресте будет зарабатывать больше, будет оценен по достоинству и займет, наконец, место в литературе, которое заслуживает.

Но в этом Донич-Добронравов жестоко ошибся: некоторые писатели его разве что приняли, многие отнеслись к нему с явной холодностью, а газеты и журналы платили так же плохо, как и в Кишиневе, и он по-прежнему был беден. Его усилия акклиматизироваться в новой общественно-политической, лингвистической и литературной обстановке не увенчались успехом.

Он уехал в Париж в 1924 г. к давнему петербургскому приятелю Алексинскому, желая полной жизни, пытаясь, возможно, подавить в бурлящем парижском потоке мысль о приближающемся конце. Редактировал там газету «Родная земля», писал своей семье в Кишинев, что закончил свое большое произведение «Князь мира». Позже, однако, найдено было только несколько разрозненных частей этого романа.

Писатель умер в расцвете творческих сил от туберкулеза. Яркой звездой на небосклоне румынской литературы осталось самое значительное его произведение, написанное на этом языке, - «Revoluția rusă» («Русская революция», 1923)[10], в журнальном варианте - «Погибшая империя» (1919), в котором Донич-Добронравов весьма критичен по отношению ко всем персонажам русской истории эпохи Первой мировой войны, приведшей Россию к двум революциям. Николая II он называет «маленьким полковником», запятнавшим себя кровью собственных подданных, пропившим и проевшим царство. Керенский у него истеричный тип, постоянно выставляющий себя из ряда обычных министров Временного правительства. Такой вождь может перепутать реальность с «собственным мнением» об этой самой реальности. Он, по существу, попал в ловушку, которую поставил ему предыдущий вождь - царь Николай II, амбиции большие, но ничем не подкрепленные. Однако хуже всех Ленин и Троцкий. Этих людей он называет не имеющими ничего общего с народом России. Они, писал он, несмотря на красноречивость, «ничего, кроме худа, России не принесут». Самое ужасное обвинение, которое он выдвигает Ленину, Троцкому, Луначарскому и Зиновьеву, состоит в шпионаже в пользу Германии. Он симпатизирует лишь немногим: председателю Госдумы Родзянко и генера-

лам Корнилову и Деникину, которые пытались спасти честь России[11]. Это был первый и смелый шаг по пути разоблачения известных событий осени 1917 г., которые в оценке Леона Донича-Добронравова предстают не иначе как преступление против мировой цивилизации. Именно эта книга отправила автора в категорию «запретных» и осудила его на долгие десятилетия замалчивания.

Петр Пильский (1879-1941) - журналист, критик, писатель, ныне почти забытый, но необычайно популярный в начале XX в., посвятил памяти Леонида Добронравова статью, в которой с грустью называет его затаенным мечтателем[12].

Покинув Россию, Леонид Добронравов перестал быть русским писателем, став Леоном Доничем - гордостью румынской литературы. И только здесь, в Бессарабии, его по праву называют двойным именем - Донич-Добронравов. Бессарабский мечтатель Леон Донич-Добронравов - талант, потерявшийся между двумя мирами, двумя режимами, зажатый между стеной и бездной, большой художник с трагической судьбой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сергеев-Ценский С.Н.* Моя переписка и знакомство с А.М.Горьким // www.classic-book.ru/lib/sb/book/1033/page/9.

2. Бурса (от лат. bursa - сумка, кошелек) - духовное училище и семинария с общежитием, содержавшиеся на казенный счет.

3. Евгений Иванович Замятин в 1914 г. был предан суду за то, что опубликовал антивоенную повесть «На куличках».

4. Кошмарный путь из Петрограда в Кишинев он описал в одноименном очерке «Из Петрограда в Кишинев».

5. *Розанов В.В.* Избранное. Мюнхен, 1970. С. 446.

6. *Bezviconi G.* Profiluri de ieri si de azi. Ed. librariei universitare I. Carabas, 1943. C. 293- 295.

7. Там же, с. 94

8. Там же, с. 95

9. C*olesnic Iu.* Basarabia necunoscută. Chişinău, 1993. Ń. 43

10. Произведение, ставшее в последнее время предметом многочисленных исследований молдавских и румынских литературоведов.

11. *Donici Leon.* Revoluţia Rusă. Bucureşti, 1923.

12. *Пильский П. М.* Литературные края: [Воспоминания] / Публ. Ю. Абызова // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Таллин, 1999. Т. 4. С. 236-364.